

— Что с тобой? — Сун Чжицянь теперь чувствовал себя гораздо спокойнее, чем когда только пришёл, и настроение у него улучшилось. Но хорошее настроение не могло скрыть его беспокойства за Лу Яньси. Сейчас, глядя на него, Сун Чжицянь был очень обеспокоен.

— Ничего, — Лу Яньси улыбнулся Сун Чжицяню и покачал головой. — Я просто немного отвлёкся. О чём вы говорили?

Видя, что Лу Яньси не хочет говорить, Сун Чжицянь не стал настаивать. Однако в ходе дальнейшего разговора он время от времени поглядывал на Лу Яньси, опасаясь, что с ним что-то не так. Благодаря Сун Чжицяню, Лу Яньси наконец перестал часто отвлекаться, но его внутреннее беспокойство от этого не уменьшилось.

Юнь Ижань, знавший правду, наблюдал за беспокойным Лу Яньси с лёгкой улыбкой на губах. Он не собирался спасать Лу Яньси из этой ситуации и не собирался говорить ему, что дед не станет на него сердиться. Кто виноват, что Лу Яньси скрывал такую важную вещь от деда? Пусть понервничает и почувствует то, что они испытывали все эти месяцы!

— Только что дедушка прислал сказать, что хочет поговорить с господином Ци и господином Юй наедине. Удобно ли это для Ци Чи и Гу Юаня?

Когда Янь Цзыюй и Сун Чжицянь уже собирались уходить, они услышали эти слова от Юнь Ижана.

Вспоминая, как Юнь Цзиньюй уходил, он действительно послал кого-то поговорить с Юнь Ижаном наедине. Янь Цзыюй и Сун Чжицянь посмотрели на Лу Яньси. Янь Цзыюй знал Юнь Цзиньюя: если это не что-то важное, он редко кого-то вызывал наедине. Почему же теперь он хочет поговорить с Лу Яньси?

Услышав это, Лу Яньси не мог не согласиться и поспешно кивнул:

— Конечно, удобно.

В этот момент Лу Яньси размышлял, не стоит ли притвориться и солгать? Ведь «признание облегчает душу, но сажает в тюрьму, а сопротивление ведёт домой». Но Лу Яньси не ожидал, что его планы рухнут из-за его нервозности.

Видя лёгкую панику в глазах Лу Яньси, улыбка Юнь Ижана стала ещё шире. Он впервые видел, чтобы его бесстрашный младший брат так боялся.

— Цзыюй и Чжицянь, идите сначала, мы с Гу Юанем скоро вернёмся, — Лу Яньси взглянул на Янь Цзыюй. Он знал, что это невежливо, но всё же предпочёл сохранить лицо. Вдруг всё зайдёт слишком далеко, и он потеряет только внутреннее спокойствие, но не внешнее!

Сун Чжицянь был человеком с высоким эмоциональным интеллектом, как сказали бы в современном мире. Видя выражения лиц Лу Яньси и Юнь Ижана, он понял, что есть что-то, чего они не знают, но что Лу Яньси и Юнь Ижань не хотели раскрывать перед посторонними. Сун Чжицянь тут же поклонился Лу Яньси и другим:

— Тогда мы с Цзыюем пойдём первыми.

— Хорошо, — Лу Яньси помахал рукой и улыбнулся Сун Чжицяню. Он был рад переменам в Сун Чжицяне. Раньше тот чаще всего молча следовал за Янь Цзыюем, но теперь Сун Чжицянь тоже принимал решения за него. Лу Яньси считал, что это правильный способ взаимодействия в

паре.

Янь Цзыюй же, глядя на Сун Чжицяня, который сильно отличался от того, каким он был, когда только пришёл, слегка улыбнулся. Как он мог не заметить, что изменения в Чжицяне произошли благодаря Лу Яньси?

Если бы Лу Яньси не заставлял Чжицяня высказывать своё мнение, тот не был бы признан Чжиюанем и дедом, и не получил бы такого признания. Уверенность в себе очень важна для человека. Раньше, как бы Янь Цзыюй ни старался, он не мог достичь такого уровня. С этой мыслью его симпатия к Лу Яньси и другим выросла ещё больше.

— Похоже, у Ци Чи и Гу Юаня есть какие-то секреты.

Сун Чжицянь и Янь Цзыюй вышли из усадьбы Юнь, и Сун Чжицянь не мог не заметить, что поведение Лу Яньси было довольно явным.

— Если это секреты, то не стоит их обсуждать, — Янь Цзыюй не был слишком любопытным. Хотя сегодня и дед, и Чжиюань вели себя странно, это не касалось его.

— Верно, если Ци Чи захочет, мы когда-нибудь узнаем, — Сун Чжицянь улыбнулся и покачал головой. Если хозяин не хочет рассказывать, что толку гадать? Это только вызовет раздражение. Никто не любит, когда его личную жизнь выставляют напоказ.

Нельзя не отметить, что их мысли совпали. Обменявшись улыбками, они перешли к другим темам.

А Лу Яньси в это время стоял перед дверью деда — глубоко вдыхал!

Да, именно глубоко вдыхал. Видя его напряжение, Юнь Ижань и Ань Цзинсин не могли сдержать улыбки.

— Не волнуйся, — Ань Цзинсин наконец не выдержал и подошёл, взял Лу Яньси за руку, показывая, что тому нужно расслабиться. Даже перед лицом Императора и Драгоценной наложницы Ань Цзинсин никогда не видел, чтобы Лу Яньси так нервничал. Это показывало, насколько важен Юнь Цзиньюй для Лу Яньси.

— Я... я... не... не... волнуюсь! — Лу Яньси начал заикаться, чем больше он пытался расслабиться, тем хуже получалось. В комнате он был просто беспокойным, но теперь, стоя перед дверью деда, его сердце билось быстрее.

«Чем ближе к дому, тем больше страха», — Лу Яньси впервые понял значение этой поговорки. Разве это не его случай?

Ань Цзинсин, глядя на Лу Яньси, хоть и понимал, что это неуместно, но его заикание было таким милым.

— Ты стал заикаться, малыш, я с тобой, — Ань Цзинсин успокаивающе сжал руку Лу Яньси. Чем больше волнуешься, тем больше нужно успокаивать.

— Хм! — Юнь Ижань, услышав слова Ань Цзинсина, ещё до того, как Лу Яньси что-то сказал, фыркнул. Как он смеет флиртовать при мне? Это просто неприлично!

Глядя на руку, держащую младшего брата, и на руку, которая гладила его лицо, Юнь Ижань

смотрел на них с таким выражением, будто хотел содрать кожу с руки Ань Цзинсина.

Этот фырк был адресован Ань Цзинсину, но Лу Яньси вздрогнул, глядя на Юнь Ижана, его лицо сразу же упало. Он был готов заплакать. Перед кем угодно он мог быть уверенным в себе и даже переложить вину на других, но перед дедом у него не было такой смелости.

Ань Цзинсин взглянул на Юнь Ижана, затем на Лу Яньси, и уже собирался что-то сказать, как услышал звук открывающейся двери.

Дверь со скрипом отворилась.

Юнь Сяньхэ, увидев нескольких человек у двери, не знал, смеяться ему или плакать. Когда Лу Яньси только пришёл, он и отец почувствовали это. Они думали, что Лу Яньси скоро войдёт, но прошло много времени, а он всё стоял. Видя, как лицо отца становится всё мрачнее, Юнь Сяньхэ не выдержал и вышел позвать их.

— Отец, — Юнь Ижань улыбнулся Юнь Сяньхэ и поклонился, затем с лёгкой улыбкой посмотрел на Лу Яньси. Отец вышел, значит, дед всё понял.

— Дядя... дядя, — Лу Яньси сказал это с горьким выражением лица. Он думал, что заикание уже прошло, но нет?

Юнь Сяньхэ, глядя на Лу Яньси, не знал, смеяться или нет. Он впервые видел такого Лу Яньси. Наконец, он тихо напомнил:

— Отец ждёт тебя внутри.

— Хорошо... хорошо, — Лу Яньси кивнул, глядя на дверь, снова глубоко вздохнул. Почувствовав тепло своей руки, он немного успокоился и вошёл в комнату деда.

Это был не первый раз, когда Лу Яньси входил в комнату Юнь Цзинъюя. В детстве он даже валялся на его кровати, но сейчас он был больше всего напряжён. Только пройдя за ширму, он увидел Юнь Цзинъюя, отдыхающего на мягком диване, и сердце его снова дрогнуло.

Юнь Сяньхэ, глядя на то, как отец притворяется, не знал, смеяться или плакать. Перед тем как открыть дверь, отец буквально вытянул шею, чтобы выглянуть наружу, а теперь так мастерски притворяется. Но, конечно, Юнь Сяньхэ не стал разоблачать отца, а тихо отошёл в сторону, наблюдая за этой битвой между дедом и внуком.

<http://bllate.org/book/16474/1497424>